

УДК 94(520).03

А. В. ЦОКУР

ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ КАК ЧАСТЬ ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ЭПОХИ МЭЙДЗИ

Статья посвящена роли холодного оружия как части японской культуры накануне и в начале эпохи Мэйдзи – вопросу, недостаточно изученному в историографии. Важность темы определяется тем, что в традиционной японской культуре меч считался символом боевого духа и чести самурая, с мечами обращались как с предметами культа. Дана классификация и характеристики типов холодного оружия. В статье показано, как указ 1876 г. о запрете ношения самурайских мечей (и фактически отмены самурайского сословия) повлиял на судьбы оружейников.

Ключевые слова: японские мечи, холодное оружие, эпоха Мэйдзи, ремесленники-оружейники, самураи, японская армия.

UDK 94(520).03

A. V. TSOKUR

COLD WEAPON AS A PART OF JAPANESE CULTURE ON THE EVE AND AT THE BEGINNING OF THE MEIJI PERIOD

The article is devoted to the role of cold weapon as a part of Japanese culture on the eve of and at the beginning of the Meiji era – to the question which is insufficiently studied in historiography. Importance of a subject is defined by that in traditional Japanese culture the sword was considered as a symbol of fighting spirit and honor of a samurai, with swords handled as cult objects. Classification and characteristics of types of cold arms is given. In this article, it is shown how the decree 1876 on a ban of carrying samurai swords (and actually cancellation of the samurai estate) affected the destinies of the armorers.

Keywords: Japanese swords, cold weapon, the Meiji period, handicraftsmen-armorers, the samurai, the Japanese army.

В конце эпохи сёгуната Токугава японское правительство осознавало необходимость реформ, в том числе военных, хотя и не могло решиться на радикальные преобразования. Несмотря на проводимую политику самоизоляции, европейские знания и открытия проникали в страну, но не получали заметного распространения. Английский историк Томас Конлейн утверждает, что в 1852 г. самураи из владений Сага занялись изучением фотографии, телеграфа и пароходов и научились делать модели последних еще до прибытия коммодора Перри [1, с. 201]. Тем не менее это не могло ликвидировать огромную общую военно-технологическую и технологическую отсталость Японии от Европы и США.

В середине XIX в. вооруженные силы страны были оснащены оружием, которое не могло конкурировать с европейской и американской военной техникой, но было важным элементом национальной культуры. До сих пор японские мечи всех эпох вызывают восхищение иностранцев, во многих странах мира коллекционеры приобретают их, несмотря на высокую стоимость. Польский исследователь Г. Соха с восторгом пишет: «Японский меч – это не только одно из прекраснейших творений человеческих рук, он также – живая история и традиция самураев, наиболее честолюбивых, преданных и надменных рыцарей за всю историю человечества» [2, с. 5].

В традиционной японской религии *синто* оружию приписывалась функция отпугивания злых духов. Оружие могло служить в качестве *торимоно* (то, что держат в руке) – временного вместилища для божества *ками*. Считалось, что во время обрядов боги спускались с небес на меч, поднятый острием вверх (это могло быть также копьё или лук) [3, с. 13–14]. С древних времен была распространена традиция пожертвования оружия храмам, и со временем многие из них стали крупными его хранилищами.

Еще в завещании сёгуна Токугава Иэясу (начало XVII в.) было сказано: «Меч – это душа самурая, если кто забудет о нем либо его утратит, никогда не будет ему прощения». С этими словами перекликается мысль, выраженная в письме 23 июня 1923 г. военного атташе представительства Японии И. Касахара, приложенном к подаренному Музею Войска Польского мечу: «Японские военные в прежние времена, а также и в настоящее время очень ценят и

любят принадлежащую им саблю, в которой они видят свою душу <...> Саблю чтят в Японии как святыню» [2, с. 11, 141].

Самурай, как бы беден он ни был, старался иметь клинок хорошей стали и в превосходной оправе, считая, что лучше страдать от голода, нежели не иметь эмблемы, подчеркивающей его сословное положение. Ради меча он мог пожертвовать и своей собственной жизнью, и жизнью членов своей семьи. По японским представлениям, «потеря фамильного меча была невосполнимой утратой, которую только частично можно было компенсировать обрядом самоубийства – харакири (сэпуку)» [4, с. 12]. Даже к самому простому кинжалу относились с уважением. Любое оскорбление оружия приравнивалось к личному оскорблению [5, с. 92].

Меч считался символом боевого духа самурая, его чести и воинской безупречности. Более того, «считалось, что меч является хранителем своей собственной истории и что духи его прежних владельцев живут в нем. Настоящий владелец клинка, таким образом, был только его хранителем, которому клинок был передан на надежное хранение, чтобы он смог передать его будущим поколениям» [6, с. 18].

Дети самураев учились владеть мечом с самых ранних лет. В возрасте пяти лет мальчика облачали в самурайское снаряжение, ставили на доску для игры в го и «посвящали в права военной профессии тем, что затыкали ему за кушак настоящий меч вместо игрушечного кинжала. После ритуала первого вручения оружия его не должны были видеть за порогом отцовского дома без этого знака самурайского статуса, хотя в повседневном снаряжении его обычно заменял позолоченный деревянный кинжал <...> Когда в пятнадцать лет он достигает возраста мужчины и получает свободу действий, он может гордиться тем, что владеет оружием достаточно острым для любого дела. Само обладание опасным инструментом придает ему чувство и вид самоуважения и ответственности» [5, с. 91]. Эти слова японского писателя и философа И. Нитобэ, выходца из известной самурайской семьи, во многом объясняют, почему японские офицеры – потомки самураев даже во время Второй мировой войны старались не расставаться со своими мечами, когда в других армиях они воспринимались как архаизм.

Первой отличительной категорией японских мечей является его длина. Японский термин «меч средней длины» отличается от европейского понятия настолько сильно, что европейские авторы обычно путают термины «короткий меч» и «кинжал». В Японии мечом считается любое холодное оружие с клинком длиной более 15 см, имеющее хамон и отверстие в стержне для крепления рукояти (мэкуги-ана) [2, с. 64; 7, с. 164]. В качестве единицы измерения при этом служит единица длины *сяку* (30,3 см). Японский «короткий меч» (танто), имеющий длину клинка до 1 сяку, в европейском понимании – кинжал. «Меч средней длины» (*сох-то*, *сё-то*) – от 1 до 2 сяку – у европейцев соответствует короткому мечу. Японский «длинный меч» (*даи-то*) – свыше 2 сяку.

Большие самурайские мечи делятся на тати и катана. Первые из них могли быть как боевыми, так и церемониальными мечами; в старину различали не менее 12 их разновидностей – жесткие правила этикета строго регламентировали, кому и в какой ситуации, в соответствии с рангом и статусом, следует носить тот или иной вид меча [8, с. 287–288].

Если придворная аристократия и прочая знать носила *тати* (преимущественно оружие парадно-церемониального назначения), то обычный самурай носил за поясом комплект из двух мечей, которые составляли пару, именовавшуюся *дайсё-но косимоно*, т.е. «большой и малый мечи», (сокращенно – дайсё). Эта пара имела две разновидности: для доспехов и для повседневной одежды. В первом случае большой меч (длиной от 60 см до 1,5 м) назывался *дайто*, или *о-дати*, и носился в специальных ножнах на левом боку, а малый (длиной 50–70 см), под названием *вакидзаси* (или *сёто*), просто затыкался за пояс. Во втором случае большой меч назывался *катана* и также затыкался за пояс режущей стороной вверх.

Форма и качество японских мечей уникальны, что вызывает к ним особый интерес оружейников и искусствоведов. Существенной деталью меча являлась *цуба* (круглая гарда, защищавшая кисть руки) – настоящее произведение искусства, собираемые коллекционерами многих стран. По форме японский меч катана очень похож лишь на бирманский меч *дха*

(сходство это, безусловно, случайно), но значительно превосходит его по качеству металла и художественной отделке рукояти [9, с. 232]. Конструкции ножен очень отличались одна от другой. Некоторые из них имели по обеим сторонам два кармана, в которых находился подручный нож *когатана*, нож-булавка *когай* либо палочки для риса.

В эпоху сёгуната Токугава мелким лавочникам, нищим и «эта» (париям) было категорически запрещено ношение любого меча; ученым, крупным и средним торговцам, ремесленникам и крестьянам позволялось носить только короткий меч вакидзаси, и то лишь по особому разрешению во время больших праздников или путешествий. Большой меч катана был привилегией только самураев и аристократов. Никто, кроме самураев, не имел права на ношение дайсё – это была важнейшая часть костюма и сословный признак самурая, который никогда не расставался со своим оружием. Если катану надевали только для ношения вне дома, то вакидзаси постоянно оставался при хозяине, а на ночь его клали рядом с постелью [7, с. 168].

Именно эти два меча были знаком отличия самурайского сословия, а детали их оправ представляли собой произведения декоративно-прикладного искусства, создававшиеся династиями кузнецов и ювелиров. На хвостовике японского меча кузнец с помощью зубила ставил свою подпись с указанием своего имени и места жительства на одной стороне и даты – на другой. Меч был видимым признаком богатства и вкуса его владельца.

Дайто или катана были основным боевым оружием, вакидзаси хорошо подходил для нанесения ударов в тесной обстановке. Кроме того, вакидзаси был удобен для обезглавливания побежденного противника. Для совершения ритуального обряда самоубийства *сэппуку* самураи использовали специальный кинжал *кусунгобу* (длиной около 25–30 см), который считался фамильной ценностью, но иногда сэппуку делали с помощью вакидзаси и очень редко (когда не было другого оружия) – с помощью катаны.

Кроме дайсё хорошо экипированный самурай имел еще и *танто* – короткий кинжал (по японским представлениям – короткий меч), по форме повторяющий катана или вакидзаси. Этот кинжал использовали для нанесения колющих ударов и пробивания доспехов. Готовясь к боевым действиям, воин запасался обычно еще ножами *когатана* и *когай*. В европейской и американской литературе для обозначения когатаны часто используется термин *кодзука* (*козука*), хотя на самом деле он обозначает лишь рукоятку когатаны [7, с. 168].

У каждого из этих предметов вооружения было свое предназначение. Когатана (кодзука), который, как и когай, вставлялся в ножны дайто или эфес [10], использовался в походной жизни как обычный хозяйственный нож, но иногда как метательное оружие. Когай применялся во время еды, а также для подтягивания конской упряжи и даже как шпилька для волос [4, с. 10; 2, с. 45, 109, 155; 7, с. 168]. Его же втыкали в голову убитого врага, чтобы после боя можно было определить, от чьей руки он пал, или укрепляли им эту отрубленную голову на поясе победителя.

В период сёгуната Токугава *нагината* (длинный изогнутый мечеподобный клинок длиной до 60 см, расширяющийся к острию, заточенный по внешней кромке и вставленный в длинную рукоять с длиной древка до 2 м) постепенно теряла значение как оружие мужчины и стала символом социального статуса женщин самурайского сословия. Она непременно входила в приданое дочери самурая. В 1876 году с нагинатой в руках женщины обороняли стены города Сацума. Позже, под влиянием Запада в стране уменьшалось влияние традиционных боевых искусств. Но с конца столетия началось их возрождение, и в начале XX в. искусство владения нагинатой было введено в учебную программу как часть спортивной подготовки девушек [11, с. 211].

Благодаря установившемуся длительному миру в эпоху Токугава меч все больше превращался в символ статуса и поэтому оружейники уделяли чрезмерное внимание украшениям, нередко покрывая гравировкой не только эфес, но и клинок. Качество клинков в этот период заметно снизилось, а мечи ковали во всех крупных городах. Важнейшим центром их изготовления был Эдо (в 1868 г. переименован в Токио). Украшения меча и ножен делал один мастер, а клинок выковывался кузнецом-оружейником. Чаще всего для украшений использовался сплав из меди и золота, который зачернялся травлением. С точки зрения искусства

наиболее ценную часть монтировки представляла цуба, которую изготавливали как простые шлифовальщики, так и знаменитые ювелиры. В отличие от европейского холодного оружия вся монтировка после извлечения бамбуковой шпильки *мекуги* могла разбираться в несколько приемов для замены отдельных деталей [7, с. 170]. Поэтому очень старые клинки могли появляться в новой монтировке.

Все перечисленные выше виды японского холодного оружия вызывали удивление и восхищение европейцев и американцев, посещавших Японию, но больше как экзотические произведения искусства, ибо победу в войнах теперь определяло превосходство в огнестрельном оружии. Это быстро поняло правительство Японии и отдельные даймё (князья), которые стали приобретать небольшие партии заморского оружия.

В процессе создания императорских регулярных вооруженных сил происходила унификация и стандартизация всех образцов оружия. В частности, все элементы мечей, включая ножны, были описаны в соответствующих положениях устава. Те или иные образцы были предписаны отдельным родам войск и определенным воинским чинам. При изготовлении гражданских мечей по-прежнему допускались определенные различия [2, с. 107–108].

После выхода в 1876 г. указа Хайторэй о запрете публичного ношения самурайских мечей (и фактически отмены самурайского сословия) сотни ремесленников-оружейников остались без работы. Многие из них были вынуждены искать применение своим талантам в иных сферах деятельности, например, обратились к производству ножевых товаров. Другие занялись декоративными работами по металлу и созданием художественных изделий на экспорт или для туристов. Многих из этих мастеров спасло то, что еще до реставрации Мэйдзи на Всемирных выставках в Лондоне (1862) и Париже (1867) произошло знакомство Европы с японским изобразительным и прикладным искусством, вследствие чего оно стало модным. Теперь для японских ремесленников-оружейников основным рынком сбыта стала Европа, что не могло не повлиять на стиль производимых изделий.

Это вызвало в конце XIX – начале XX в. невиданный расцвет искусства создания национальных мечей и ножей с оправами из слоновой кости, дерева, украшенных резьбой, а также выполненных в технике перегородчатой эмали. Кстати, приемы изготовления перегородчатой эмали пришли в Японию из Европы: на гладкую металлическую поверхность крепились тончайшие металлические проволочки-перегородки, которые образовывали ячейки, заполнявшиеся затем разноцветными эмалями. После обжига изделие шлифовали и полировали.

Если отдельные детали оправы выполнялись в технике перегородчатой эмали и раньше, то украшение подобным образом ножен и рукояти меча стало характерным именно для этого времени. Такие мечи чаще всего предназначались для преподнесения в подарок и для экспорта в европейские страны. Их клинки не всегда были высокого качества [12, с. 453–454]. Лишь незначительная часть оружейников сохранила приверженность исконному делу и делала клинки высокого качества по заказам, тем не менее большинство методов и приемов традиционного ремесла оказались утрачены.

Таким образом, рассмотрев эволюцию японского меча, можно утверждать, что японское оружие значительно изменило свою социальную роль (утратив непосредственное значение боевого оружия), а также лишилось культового и символического значения.

Литература

1. Конлейн Т.Д. Оружие и техника самурайских воинов. М., 2010.
2. Соха Г. Японские мечи Нихонто. М., 2006.
3. Ермакова Л.М. «Вещь» и моно в понятиях и ритуалах // Вещь в японской культуре. М., 2003.
4. Гвоздёв С.А. Холодное оружие Востока и Запада: Техника самообороны. 3-е изд., с изм. Минск, 2000.
5. Нитобэ И. Этика самурая // Нитобэ И., Норман Ф. Японский воин [Пер. с англ.]. М., 2009.
6. Kapp H., Kapp L., Yoshihara Y. Japanische Schwertschmiedekunst. Eschershausen, 1996.
7. Лайбле Т. Меч: Большая иллюстрированная энциклопедия. М., 2008.

8. Синицын А.Ю. Самураи – рыцари Страны восходящего солнца. История, традиции, оружие. СПб., 2011.
9. Уизерс Х. Дж.С. Мечи и сабли. М., 2012.
10. Скряливецкий Е.Б. Кодзюка. М., 2009.
11. Алексеев Д. Энциклопедия оружия. М., 2014.
12. Анисимова М.А. Оружие Востока. XV – первой половины XX века. СПб., 2013.

References

1. *Conlan Thomas D.* Weapons and Fighting Techniques of the Samurai Warrior 1200–1877 AD. Moscow, 2010.
2. *Soha H.* Japanese swords Nihonto. Moscow, 2006.
3. *Yermakova, L.M.* «A thing» and mono in concepts and rituals // A thing in Japanese culture. Moscow, 2003.
4. *Gvozdiov, S.A.* Cold steel of East and West: self-defense technique. 3rd ed., rev. Minsk, 2000.
5. *Nitobe I.* Ethics of Samurai // I. Nitobe, F. Norman. Japanese warrior. Moscow, 2009.
6. *Kapp H., Kapp L., Yoshihara Y.* Japanese Art of sword forging Eschershausen, 1996.
7. *Layble Th.* The Sword: A Big Illustrated Encyclopedia. Moscow, 2009.
8. *Sinitsyn A.Yu.* Samurai – Knights of the Rising Sun’s State. History, tradition, weapon. Sankt-Petersburg, 2011. P. 287–288.
9. *Whithers, Harvey J.S.* Swords and sabres. Moscow, 2012.
10. *Skralivetskij E.B.* Kodzuka. Moscow, 2009.
11. *Alekseev D.* Encyclopedia of weapon. Moscow, 2014.
12. *Anisimova M.A.* Weapon of the East. XV – first half of XX century. Sankt-Petersburg, 2013.

